

2025

ТАТТА ТАТТА

НОВОГОДНИЙ ВЫПУСК

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Влад Галант

РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

Карина Исакаева

ТЕХНИЧЕСКИЕ РЕДАКТОРЫ:

Карина Исакаева

Вера Арболь

Яков Наерман

ИЛЛЮСТРАТОР:

Дора Горина

ХУДОЖНИКИ ВЫПУСКА:

Ольга Прасол

Vita Arte

ДИЗАЙНЕР ВЫПУСКА:

Яна Кирикова

Особая благодарность **Вере Арболь** за озвучку большинства произведений, которые доступны на нашем сайте

Карина Исакаева

Писатель, редактор, биолог, преподаватель,
маркетолог

Сменила несколько стран и профессий.
Жила в Латвии, Грузии, Литве и в Украине.
Писательницей мечтала стать с детства.
Война лишила дома, но научила не отклады-
вать хорошие дела на потом.

Дорогие друзья,

На пороге самый волшебный праздник в году – Новый год. Это время ожиданий, надежд, подведения итогов и построения планов на будущее. А ещё – это момент, когда хочется остановиться, вдохнуть глубже и позволить себе утонуть в магии слов и образов.

Нынешний номер «Иглы» посвящён зимним историям – лиричным, мистическим, порой неожиданным, как первый снег. Здесь переплетаются воспоминания о прошлых зимах, мечты о будущем и те самые мгновения, которые делают нас людьми.

В этом году наши авторы приготовили для вас невероятные сюжеты и поэтические строки, которые согреют даже в самые лютые морозы. Вы найдёте здесь рассказы о любви и дружбе, о силе духа и чудесах, которые мы иногда забываем замечать. Это наш подарок вам – тепло человеческого слова в зимнюю стужу.

Мы искренне благодарим всех, кто был с нами в этом году: авторов, читателей, критиков. Ваша поддержка и вдохновение – это то, что делает «Иглу» живой и настоящей. Мы верим, что впереди нас ждут новые горизонты, новые имена и новые истории, которые найдут отклик в ваших сердцах.

Пусть наступающий год принесёт всем нам долгожданный мир, радость и вдохновение. Пусть каждая страница вашего жизненного альманаха будет наполнена светом и добром.

С наступающим Новым годом и приятного чтения!

С уважением,
Карина Исакаева

В небе упущенный шарик,
нежный китайский фонарик
тёплым наполнен огнём.
Кухня востока навывнос,
кот, охраняющий примус
спит на окне босиком.
Спит, но урчащим желудком
жаждет пекинскую утку,
жаждет морского ежа,
Курицей бредит с кунжутом,
пятничным пасмурным утром
время идёт не спеша.
Время подарки приметить,
вынуть трамвайный билетик,
ждать на холодном ветру,
ехать от церкви до центра,
к ёлке добавить акцентов
и закупить мишуру.
Сыну перчатки и шапку,
из шоколада лошадку,
чтобы Никола святой
сделал к шестому знаменье,
в туфли насыпал печенье,
не обошёл стороной.

Ю. Петрова

А снег в тот вечер так и не пошёл,
а облака смурные задремали,
как дети, завернувшись в одеяле,
нос прятали в пушистый капюшон.

А мы в них верили, стояли у окна,
и сын сказал: «А если снег обманет
и белой тёплой манной кашей станет?
Мам, почитай ещё про Гудвина».

Читали про Бастинду и Канзас,
про человечков милых и отважных,
и шли дорогой жёлтой, очень важной,
и думали, что снег догонит нас,

что утром удивиться двор пустой,
качелям белым, фонарям укрытым,
спи, милый, дверца в сказку приоткрыта,
в ней снег уже идёт для нас с тобой.

Ю. Петрова

Не дожждётся зимней круговерти
тоненькая ива у окна,
суп поставьте в холодильник, дети,
не глядите в сети на рассвете,
посидите, но не допоздна.
А когда немного подморозит,
сгинет скарлатина, дифтерит,
ветер скандинавский загундосит,
песню, что спокойствие приносит,
грамоту нам зимнюю вручит.
Купим плед, а повезёт – и чайник,
вымоем чердак, ночник зажжём,
ветер иву нежную качает,
сын ко сну пижаму надевает,
плюшевый сурок сидит при нём.
Нам с сурком зима милей в начале,
где дождей немного проливных.
Дети, не ложитесь, выпьем чаю,
в сахаре печенье с маком тает,
сериал найдём для выходных.

Если силы не оставят,
я законопачу ставни,
чтобы снег наколдовать,
минус два, минус четыре,
отопление в квартире
станет воздух разгонять,

вдоль, по тонким ржавым трубам,
в лихорадке треснут губы,
минеральная вода –
не шампанское, и ладно,
но тебя спасает знатно,
несусветная балда.

Пузырьки в стакане бродят,
в человеческой природе
на воде писать слова,
вилами тяжелой стали,
первые разбить скрижали,
стих латать из баловства.

И когда подмёрзнет речка,
палка, палка, огуречик,
пишешь, будто треснет лёд,
напиши и не печалься,
если осень от отчаяния
градом воробьёв побьёт.

Сквозь деревушку, в утреннюю хмарь,
как гондола, слепая неотложка
плывёт себе. Немудрено в ноябрь
зонт позабыть на тонкой длинной ножке.

Забуть одеться в тёплое пальто,
хотя сама себе напоминала,
шитьем и пледом выстелить гнездо
и в клюве яблок принести сначала.

Тех, Йона Голд, румяных на развес
и пряников имбирных в пачке желтой,
пионов белых, тыкв под занавес,
ко Всем Святым заранее готовой

хотела быть, взглянула на фонарь,
мошкою мелкой осень моросила,
Архангел Михаил вмешал агар-агар
в туман, в сироп агавы и кизила.

Ю. Петрова

Говорю негромко по-фламандски:
«Rustig, meisje, лишь бы не было испанки,
душного ковида и чумы».

В минус с тёплым зябликом заляжем
в доме неказистом трёхэтажном,
в двух шагах от адовой зимы.

Против шума мягкие беруши.
Колокольчик тонкий тронет душу?
Не мешай тревожному звенеть.
В омут памяти неси скупые слёзы,
в нём теперь ответы на вопросы.

Видишь, Кальвадос пустой на треть?
Веришь, сидр грушевый так сладок,
а прибой и холоден, и гладок,
в нём тумана сливочная смесь.
Здесь норд-осту многого не надо,
дунет раз со снегом или градом –
и исчезнет город и окрест.

Видишь в панорамное окно,
свет сквозь непрозрачное руно,
кот хрустит сухариком на кухне,
нет герани, фаленописис есть,
весь в веснушках, абсолютно весь.
Улыбайся, милая, не тухни.

Одевайся в город, торопись,
зонт купить, раз осень дождались,
полотенец вафельных для дома,
календарь на двадцать пятый год,
лист нескладный с неба упадёт,
притяжением земли влекомый,

и уснёт под клёном наконец.
Ветер, подыграв дождю, стервец,
ребра у зонта, стальные спицы
изогнёт. Что ж детям принести?
Капли на носу, туман в горсти,
чёрные конфеты из лакрицы.

Посудомойку разбираю,
заплаткой, Господи прости,
я к джинсам стикер пришиваю,
и год прожить не успеваю,
день завершается к пяти.

Cafe au lait так скоро стынет,
но мил мне в чашке голубой,
когда ноябрь мой дом покинет,
мне снится сон, где в окнах иней
и долгожданный снег такой.

И трещина в тугом асфальте,
немытый и сырой подъезд,
со сказками винил оставьте,
пусть в кресле дед сидит в халате,
читает про Февральский съезд.

«Маяк» бубнит ему со скрипом
и бритва круглая жужжит.
И я могу дышать, не всхлипывать,
пока ветров и духа рыбьего
с избытком, до весны дожить.

Ю. Петрова

С воробьём перезимую,
Сатурналии, Йоль,
ветер иву гнёт сухую,
с воробьём перезимую,
распорю повдоль,

одеяло из верблюда,
в клеточку пальто,
ветер иву гнёт покуда,
одеяло из верблюда
распороть легко.

Поболтаю с трубочистом:
«Heb je werk gedaan?
Воздух нездоровый, мглистый,
положи платочек чистый
в голубой карман».

Хочешь, яблоки с корицей,
булки с курагой,
фаршированную птицу,
тёплый суп из чечевицы
соберу с собой?

Одеяло из верблюда,
целое, почти,
а до станции отсюда,
о, Рождественское чудо,
полчаса пути.

Ах, если бы на поезд проездной
или в кармане пара круглых евро,
давно уехала до станции Het Gooi,
к заутрене в Базилике святой,
барашков белых гладить у вертепа.

В сенях стоит кормушка для скота
и ясли приготовлены младенцу,
на город пролита феличита,
у Мельхиора тёплая звезда,
у Бальтазара радуется сердце.

Когда Каспар берёт паёк сухой,
немного мирры, цацки для коляски,
единый покупает проездной,
в Calais везёт их поезд скоростной,
а там по морю, к нужной всем развязке.

Так хлеб насущный, скажут, даждь нам днесь,
освоимся среди чужой пустыни.
Рождение Агнца — радость до небес,
в пещере свет, а значит, точно есть,
надежда жить нам вечно, пилигримы.

Пришла зима, пришла зима,
и ветер воет дико.
Я чай сегодня заварю
с лимоном и гвоздикой.
Там, за окном, метет метель,
а мы в тепле и дома.
А как же ром? А что, блин, ром?
Какой же чай без рома!

Пусть тебя сохранит всё, что может сейчас хранить.
Зелёное стёклышко, шерстяная красная нить,
материнское благословение, анальгин,
личный ангел – крылатый безбашенный андрогин,
чашка кофе, свеча в окне высоко над водой,
обещание встречи, даже неважно какой,
бой часов, сигарета, крик петуха в ночи,
глупый шлягер, который внезапно правдой звучит,
отблеск солнца закатного на соседней стене,
чья-то ёлка, а ты уж думал не праздновать, не
откликаться, камнем упасть на чёрное дно.
Всё, что может тебя хранить, сохранить должно.
Потому что в этом сером небытии
сохранят кого-то другого слова твои.

ТИККИ
А. Шельен

Не строя городов, не написав сонату,
земную жизнь пройдя до самого почти,
бессонницу делю с товарищем мохнатым,
на кухню ей и мне примерно по пути.

В глубокой тишине ворчит электрочайник,
отсчитывают ночь размеренно часы,
семейство крепко спит, лишь мы глядим печально:
я – на судьбу, она – на ломтик колбасы.

Вот сахар, вот лимон, вот ром – плесну немножко,
а в наши-то края уже зима летит.
Добычу поделив, идем обратно с кошкой.
Ей – спать на сундуке, мне – флейта говорит,
что брось ты это всё, иди уже, иди,
там море впереди, там море впереди...

Георгий
Гришко

Первый день зимы

Уже краснеет нос, и иней на машинах
лежит, как патина на старом серебре.
Подашься за город – там кипы на вершинах.
Всё чаще толстые дублёнки на мужчинах
я замечаю, оставляя в ноябре
и сам решительно любимую кожанку.
Я, ко стыду, на литургии был небрит
и засмотрелся всё на ту же прихожанку.
Она похожа на заезжую южанку,
ей так пошёл бы кареглазый бипатрид...
Пришёлся первый день зимы на воскресенье,
холодный воздух вяжет рот, как плод хурмы,
и Сын Давидов предлагает нам спасенье,
за ним пускаюсь через лес в тугую синь я,
не зарекаясь от сумы и от тюрьмы.

Марина Карандина

Оставьте Нам Калёси

Винда заскрипела, завертелась на восьмой скорости, да и выбросила Калёси в большой город. Калёси стоял на заснеженной улице, ежилась от холодного ветра и обдумывал в какую сторону пойти.

Старый черт Магистр первого Пана говорил:

— Если непонятно куда идти — держитесь правой стороны.

Калёси подумал о словах Старого черта и повернул в правильную сторону. Возможно, упоминание чертей не самое лучшее в рождественские дни, но что делать... Калёси — чертик, самый настоящий, и имя его, как Жан для француза или Ганс для немца, очень распространено в местах, где винда вращается на восьмой скорости, а точнее в самом что ни на есть настоящем аду.

Учится Калёси в школе им. Бойлера, а на Землю доставлен в качестве практиканта — собрать данные для годового отчета «Отчего люди все чаще норовят попасть в Ад». Там, у самого центра ядра проявили обеспокоенность — при большом количестве прибывших грешных душ пекло может взорваться от усиленной работы котлов.

Получив от Куратора Первого Пана (КПП) напутствие — ничего не бояться, потому как и бояться нечего, для трезвых людей Калёси невидим, а нетрезвые сами от чертей бегут, Калёси прибыл в пункт назначения.

Итак, Калёси повернул направо, потом ещё раз направо. Куда бы чертик не направился, приходилось увертываться от людей — того и гляди затопчут. Зато и спокойствие Калёси было с ним — действительно, его никто не замечал. Даже те, кто был явно навеселе, проходили мимо чертика, не оглядываясь и не доставая телефоны, чтобы сфотографироваться с ним, а может, им просто было ещё не до чертей.

Время приближалось к полуночи, людей на улице было много. Калёси смотрел на луну — когда ещё её увидишь — смотрел и повторял слова КПП:

— Отправляю ваш курс в самый веселый день Земли, когда там, где метель и там, где жара люди счастливы. Вам, студенты, предстоит узнать, что такого происходит в этот день, отчего разным народам хочется глотать пепел, подмешанный в бокале, тратить деньги на фейерверки и не спать ночь. Это должно быть именно ваше наблюдение и ваш отчет, постарайтесь не углеть, тем более, что уголь мы на время заблокируем. Ваша командировка важна, на её основе мы выстроим работу с землянами на ближайший год. И возможно, именно вы ответите на главный вопрос — отчего так много людей спешат попасть в ад.

— Красиво как у них. Снег падает тихо-тихо, можно раскрыть рот и ловить маленькие звездочки. А вкусно-то как. Вот бы принести домой этот снег, — Калёси шел по улицам города и улыбался, как только может улыбаться чертенок — во все свои восемь зубов, прищулив от радости маленькие черные глазки. Вдруг в него полетел огромный комок снега, потом ещё один, и ещё, и ещё. Калёси пытался увернуться, но снежков было так много и все они летели с такой силой, что чертик перестал сопротивляться — сел на снег, зажмурился и спрятал голову лапками. Через несколько секунд Калёси приоткрыл глаза и увидел, как несколько мальчишек хохочут и что-то кричат. Чертик нажал кнопку «переводчика» и услышал:

— Вот же ж черт, хотел нам дорогу перейти, да еще в Новый год.

Марина
Карандина

Продолжая хохотать, мальчишки свернули за угол.

— Ух и Чертовщина, хорошо, что мальчишки ушли. Но как же они меня увидели? — удивился Калёси. — И зачем начали бить? Калёси стало обидно, болело темечко и рожки, а о маленьких звездочках он даже забыл. К тому же и ветер теперь усилился и снег падал шипя, как будто чуточку на кого-то злился. Сейчас чертик жмурился не от приятного вкуса снега, а от его колких снежинок, попадающих в глаза. Калёси поднял синюю варежку одного из мальчишек, положил её в рюкзачок — вдруг пригодится для исследования?

За размышлениями об обиде, потирая вскочившую шишку на лбу, Калёси вышел на площадь, которая подсвечивалась со всех сторон.

Такое количество огней он видел только на уроках «Пытки спящего в момент его сладких снов»

— тут: и хрустальные подвески, чудом не бьющиеся друг о друга, раскачивающиеся на проводах и длинным рядом уходящие в перспективу; пластиковые деревья, отчего-то растущие из кадок и окутанные разноцветными гирляндами... ух и Чертовщина, — перевернутый котел с огромной дыркой в боку, светящийся то красным, то фиолетовым, то вдруг вспыхивающий оранжевым. Котел стоял на земле, а на дно его был присобачен сверкающий бант.

— Красивый какой шар, давай сфоткаемся с ним, Гриш, — услышал Калёси голос девушки, подходящей к котлу. — Угу, — ответил, по всей видимости, Гриша. Достал телефон и стал делать фото девушки у разбитого бока котла. Калёси тихо смеялся, подрагивал маленьким пяточком,

смотря на причудливые коленца, выделяемые девушкой у безбокого котла. Но тут веселью чертика пришел конец — очень звонкий и при этом противный голос заорал в лохматое ушко Калёси:

— Ой, какой хорошенький, черненький-то какой! Иди ко мне, ну иди-иди!

Кричала тетка громко, от ее голоса Калёси зажмурился, но помня о необходимости соблюдать бдительность, пришлось глаза все-таки разжмурить. «Разжмурившись», Калёси отметил, что тетка выглядит вполне симпатично, она даже напонила ему мать — невысокая, с пухленькими щечками, круглыми карими глазами. И если чуть-чуть поправить нос, то натурально мать бы стояла перед Калёси. Но руки... теткинны руки напугали чертенка. Она протягивала их вперед, растопырив пальцы, а потом щелкала ими рядом с Калёсиными ушами.

— Очень странная тетка, — подумал Калёси, — то ли схватить меня хочет, то ли напугать.

— Оставь его, Польша, — сказал кто-то, — может он блохастый.

— Я блохастый? — обиделся Калёси. — А она значит полька.

Тетка ходила, вытянув руки вокруг Калёси. Калёси же приходилось крутиться в такт тетке, чтобы не выпустить ее из виду. — Ну же, кис-кис-кис — продолжала ласково тетка. Трижды «кис» переводчик объяснить не смог, и Калёси решил, что это что-то по-польски. И вдруг ни с того, ни с сего тетка-полька наступила на Калёсин хвост. От неожиданности, а ещё больше от боли, Калёси вскрикнул и рванул с площади. Он несея, лихо лавируя между препятствиями, но во что-то все же врезался рожком и это что-то теперь било его по затылку. Миновав два переулка, чертик влетел под арку в третий. Сел на лавочку под фонарем и снял что-то с рожка. Этим что-то оказалась морковка.

— Это, наверное, я зацепился о ветку дерева с морковкой что ли, когда давал деру, — успокаивал себя Калёси.

— Возьму и морковку с собой. А вообще, удивительные причуды у землян. — Миленький — говорит, а сама на хвост наступает. И почему опять я стал видимым, по крайней мере, для той странной тетки?

Калёси подумал, что может «переводчик» на холоде поймал какой-то хрюк и тетка говорила что-то другое. Чертик-практикант решил осмотреть его и заметил тень на снегу. Калёси обернулся и увидел маленького зверька.

— Ты кто? — спросил он зверька.

— Кот..

— И давно ты, Кот, ходишь за мной? — продолжил допрос Калёси, уже не удивляясь, что для зверька он видим.

— Да как на площади рядом с Лениным, ты из земли появился — так и бегу за тобой. Сначала за кончиком хвоста, а потом уж и за тобой. С тобой веселее было убегать.

Марина Карандина

— Это что ж получается, что я бдительность от всего вот этого блеска местного потерял что ли, что кот не заметил? Вот так дела... — удивился сам себе Калёси. Потом посмотрел по сторонам и спросил кота:

— Слушай, Кот, а где это мы с тобой, а? Заблудились мы что-ли? Как нам дорогу-то к твоему ленину найти?

— Не бойсь, все дороги в центре к Ленину ведут, так что не заблудимся. Пошли, провожу, — успокоил Кот и погладил Калёси по голове.

Калёси шел с Котом к Ленину. Снова стало так хорошо: можно шуршать снегом, дурачиться — бить друг друга хвостами и подставлять снежинкам рыльца или что там у котов.

— Вот варежка есть. Морковка тоже есть. Помоги мне, Кот, — вот чего люди к нам в ад стремятся. Может знаешь? Чую, что ни варежка эта пушистая, ни морковка не дадут ответа, без надобности они для отчета. Огня в них не чувствую, так, лишь легкое тепло.

— Э-э-э не скажи, чертик дорогой, этой варежкой меня мальчишки знаешь, как напугали. Да и тебе досталось. Смотри вон шишка какая у рогов вскочила. Вот в этой самой варежке и был тот снежок, которым тебе лоб припечатали, я видел. У тебя ж от такой шишки искры из глаз должны были посыпаться, а искра — это и есть самый настоящий огонь. И морковка. Она тоже подойдет как пруф для отчета. Ты оглядись-то по сторонам. Посмотри-посмотри, сколько тут кругом всего блестящего приаттачили. Аж рябит в глазах. И так здесь круглый год. Ты думаешь вот это яблоня «растет», да? Ну, конечно, раз яблоко висит, то яблоня, так? Ничего подобного, Калёси. Вот, как птицы-то вернутся, так придут сюда специально обученные люди и яблоко это одинокое снимут. Листьев разных розовых повесят и сделают из яблони... сакуру. Синтетика! Пластик! Куда ни глянь, только пластик. Ничего нормального не осталось. Жалко ты за отчетом не весной из земли вылез, а то увидел бы «лучшую красоту» города — прямо перед Большим театром свиньи стоять будут. Все в розовых пачках. Все одинаково страшные, и конечно, все пластиковые — не хрюкнет ни одна. Всех их, Калёси, кто этих свиней ставит, надо к вам отправить, пусть им у вас объяснят, что ждет их в перспективе.

Калёси смеялся над хрюшками, которых никогда не увидит.

— Но ведь это праздник, Кот! Всем весело и хорошо. И так ярко, прямо как у нас в Аду!

— Вот-вот, именно — ярко как в аду, — констатировал Кот. — Забирай домой весь этот треш, Калёси, и елки эти, и свиней кринжовых.

Ветер утихомирился, снег вновь падал легкими звездочками. Вступив на площадь, где был Ленин, Калёси остановился. Четверо черных мужчин без лиц вели к машине девушку. Девушка была маленькой, худенькой, казалось, что ее и один мужчина смог бы проводить к машине. Но, похоже, девушка обладала невиданной силой, если вчетвером не получалось с ней справиться. Она прижимала к себе белый листок, но один из мужчин выдернул его и бросил на снег.

— Огонь, он повсюду здесь! У этих мужчин. И нет! Даже машина их опутана огнем! Быстрее, Кот, быстрее, надо поднять лист!

Калёси с Котом подбежали к листку. Лист был белым, как красивый медленный снег. Ни одной буквы, ни одного слова — чистый белый лист.

— Он ведь намокнет. — сказал Калёси. Кот утвердительно промурчал.

— Это он, Кот, это точно он! И какой был огонь, Кот, если бы ты видел этот огонь... да, точно, в нем есть объяснение, о котором просил КПП, но девушке же зачем-то нужен был этот лист. Зачем-то был очень нужен. Нужен здесь. Здесь.

Калёси поднял лист, вернулся к месту, где его уже ждала винда. Потом обернулся и увидел дом, о котором говорил кот, дом с надписью ЛЕНИН. Калёси подошел к дому поближе, расправил листок и приклеил его под надписью ЛЕНИН.

— Слушай, а ты клево поступил, — сказал Кот. — Теперь листок будет висеть, пока кто-то из очень главных не прикажет его снять. И ведь ни одна камера не покажет, кто лист приклеил.

Калёси летел вниз, домой. В рюкзаке лежала пластиковая морковка, завернутая в синюю варежку, а на красном граните главной площади страны висел белый лист, дающий шанс миновать ад.

Виктор Тумаркин

1. ЗИМА В ИЗРАИЛЕ

Ближневосточная зима
Несет с собой дожди и грозы.
На рынке – свежая хурма,
А в парках расцветают розы.
Ты поражаешься сперва,
Лесной пейзаж забыть не в праве:
Ярко-зеленая трава,
Нарциссы в каменной оправе,
Подарок декабря – грибы,
Кустов колючие иголки,
А с неба – лишь поток воды,
А не ракетные осколки.

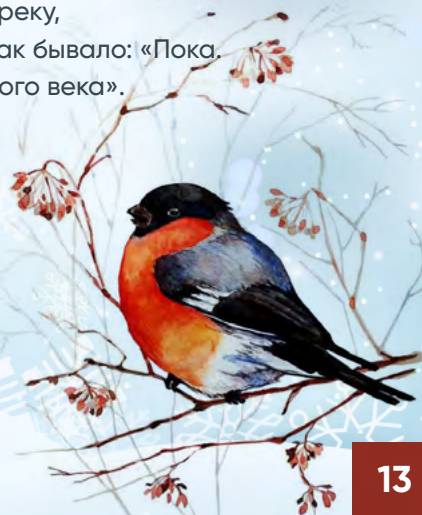
2. ЗИМА В МОСКВЕ:

И снега нет, и ёлок не несут.
Что попусту болтать о Новом годе,
Который, дескать, прямо на носу,
Коль всё вверх дном в народе и природе!
Знать, високосный не сдает права,
Вот-вот продлит свой срок разбойным свистом...
Унылая, продрогшая Москва.
А что вы ожидали в День чекиста?

Виктор Байрак

Когда я тихий Стикс перейду
Под конвоем недремлющим,
По-одесски ключи украду
Из кармана тюремщика.
И невидим никем, бестелесен,
Как пары от эфира.
Из ничто появлюсь. Словно плесень
В хлебе зримого мира.
Так, всего лишь на несколько дней,
Незатейливо, просто так,
Эти дни я ходил бы за ней,
Наглядеться чтоб досыта.
И ничем себя не выдавая
(Не в постель же ей чай нести?),
Я ходил бы за ней, создавая
Озорные случайности.
Проникал в ее тихую речь,
Был следом за пятнами ее,
Превращался б то в Междуречье,
То в Месопотамию.
То в чалме с изумрудом зеленым
На окраинах Турции
Вдруг явился б ей из-за колонны:
«Я Ваш гыд. На экскурцыю!»
Как-то утром касаньем зари
Наспех снятого свитера
Прошептал бы: «Смотри, снегири...»
И они там действительно.
И вот тут ей все станет понятно,
Сколько ж прожили вместе мы!
И пойду я тихонько обратно –
Два пролета по лестнице.
Я отправлюсь туда, где река
И войду в эту реку,
Прошептав, как бывало: «Пока.
Спи. Спокойного века».

Плюшевый мишка сидит на диване
Грустные глазки, платочек в кармане,
Пуговкой носик и бантиком рот.
Плюшевый друг до сих пор меня ждёт....

Я снежинка...

На старом фото – я снежинка
Печально глядя, улыбнусь,
Из марли платье,
Как пушинка,
И вот у ёлки я кружусь!
Ах, ёлка, как она прекрасна!
На ней игрушки, мишура,
Венчает звездочкою красной,
И рада, рада детвора!
Что меня в жизни ожидает?
И сколько ёлок впереди?
Не знаю я. Никто не знает,
И только сердца стук в груди.
Во рту конфеты тает сладость,
Ещё не знаю ничего.
Снежинка я! Какая радость!
И мне два годика всего.

Татьяна
Демьяненко

Помните, как в детстве мы дружили?
Радовал всегда нас первый снег,
Возле ёлки весело кружили,
Не откладывая радости и смех.
Быстро выросли, и быстро позабыли,
Как нас ангел укрывал крылом,
Взяли жизнь свою и отложили,
Из прекрасного на темное «потом».
Все потом, потом когда-то будет,
Поиграть бы весело с котом,
Но потом не наступает, и забудем ...
Не откладывая радость на потом!
Позвонить бы надобно подруге,
Время нет, везде кругом-бегом,
Все бежим, как ослики по кругу,
Не откладывая дружбу на потом!
Написать ответ мужчине надо,
Думаем, что это как лото,
Может, ждёт ответа, как награду ...
Не откладывая чувства на потом!
Посмотрите! Первый снег кружится!
Пахнут мандарины Рождеством,
Не забудьте снова удивиться!
Не откладывая сказку на потом!
Выбегай во двор!! Зима, как чудо!
Начинай ловить снежинки ртом!
Никаких «потом» уже не будет,
Не откладывая счастье на «потом»!!!

А что там, за окном? – Там улица. И снег
 Отвесный и густой, легко соединяя
 С наземным облака, ложится без помех
 На шапки и дома, деревья и трамваи,
 Реальность изменив в каких-то полчаса,
 Добавив чистоты и чёткости нерезкой.
 Оранжевым мазком по белому лиса
 За окнами мелькнёт и скроется в подлесе.
 Торжественно кружат леса у полотна.
 Церквушки восстают, как Фениксы, из снега.
 Уходит старый год, отмеривший сполна
 Рождений и смертей, ловушек и побегов.
 Полсуток до нуля. Ведя обратный счёт,
 Стучат колёса в такт несущимся мгновеньям.
 Пусть новый год не мор и глад нам принесёт,
 Но мир, ещё раз мир, надежду и терпенье.

Ирина
 Легонькова

Текуче пространство, а время дискретно и колко,
 И делит нас, пришлых и прошлых, на судьбы и случай.
 Есть знак постоянства – пушистая зимняя ёлка
 И пляс скомороший по веткам огней и созвучий.
 Вот снова глотаем свинцовую свежесть рассвета
 Над праздничным миром. Светлы снегопада угодыя.
 Воробышки, в стаю собравшись, чирикают где-то,
 А в окна глядятся рябины замёрзшие гроздьи.
 Опять календарь обещает весну и удачу,
 И долгое-долгое лето в добре и покое,
 И тёплый сентябрь, и ещё бабье лето, а значит,
 Нам будет что вспомнить грядущей суровой зимою...

Попробуй, попытайся пережить
 всю эту серость, нищее сиротство
 деревьев, голых веток черноту.
 Шибает за сто первую версту
 депрессией от города, и сходством
 с кошмарами пугают миражи.
 На широте Нью-Йорка Ереван,
 а мы с тобой на широте Парижа.
 (Вот поэтому-то и нейдёт зима,
 стоят в грязи деревья и дома.)
 Так ближе к океану, к небу ближе
 объединяйтесь дальние всех стран!
 Давай назначим встречу где-то тут
 в Инете, атмосфере, внеземелье.
 Не важно, на свету ли, в темноте,
 на первой или тысячной версте...
 Не всё ль равно, какие параллели
 Меркатор с Лобачевским проведут...

Катя Ножова

Я всегда жду Праздник.

Праздник – это про чудо. Рождество меня поразило по-настоящему только в первый раз. И больше всего ожиданием: долгим приготовлением, отсчетом дней, воскресений. Оказалось, что это все – особая форма рутины. Все повторяется каждый год: свечи, адвенты, распределение мест палаток на рождественской ярмарке. Расписанный на родственников календарь.

РОЖДЕСТВО

Мы приехали к Верене в район новостроек праздновать рождество. Это значит: ужин, подарки, десерт, домой спать. Она открыла дверь и сказала: “Ужин готов. Быстро ужинаем и идём на башню”. Башня – это самая высокая постройка в их микрорайоне. 10 этажей лестницы ради лестницы и вида на окрестные крыши, железную дорогу, немного аэропорта вдалеке и силуэта небоскребов центра города. Башня – это веренина гимнастика. Жестоко думать, что это – часы или проверка собственных сил, но если быть честным, это так. Две соседки, Мане и Верена, каждый день вызванивают друг друга, идут в соседний двор и лезут на башню. Потом вниз. Каждый день. Им обеим восемьдесят пять.

Вы уже встали? Готовы? Мы идём? Дождь усилится во второй половине дня, лучше идти сейчас... нет, Я (я!) пойду при любых обстоятельствах. Я все-таки Вас подожду...

Вы (вы?!) УЖЕ сходили? Вам надо уезжать на репетицию, и вы поторопились...нет, я непременно тоже пойду, но захвачу кого-нибудь из молодежи. Им (им!) это полезно.

Давайте вечером. Возьмите гостей с собой. Тогда поручите им накрывать на стол и идemте. Идемте же!

Итак, Рождество. Верена сияет. Она всегда сияет, она это умеет. У Мане насморк.

Мне пришло в голову, что Рождество можно встретить на башне! – объявляет Верена. – Мы быстро ужинаем, берем Мане, Мане берет скрипку, поднимаемся наверх, играем там гимны, поем, вот и будет праздник.

Мане ужинает отдельно, двумя этажами выше. Во-первых, у неё свой режим. Во-вторых, своя диета. В-третьих, особая потребность в тишине.

Но тишину уничтожает звонок и веренино бодрое «Идемте же!»

Башня холодная, гулкая и высокая. Она сделана из прочного металла, и перила жгут руки. На этом месте могла бы стоять большая освещённая огнями елка, а стоит вышка. Ее хорошо видно из окон соседних домов. Окна прекрасно просматриваются с любой площадки. Почти за каждым – своя елка, с гирляндами и подарками, а вот общей большой елки нет. Есть башня, и мы медленно поднимается наверх, ступенька за ступенькой. Я несу пюпитр, сумку с термосом и фонарь. Инструмент мне не доверили. Ветер очень злой и холодный, а снег нисколько не похож на мягкое покрывало, он колючий и мелкий. Мне не сложно идти по лестнице, но я медлю, чтобы не расстроить своих попутчиков. Верена объясняет, что у каждой – своя привычка и техника подъема, одной (снег в лицо) легче все разделить на этапы по сто ступеней, другая (снег, снег, свист от ветра) ...ает. Тает? Со-блю-дает? Соблюдает ритм подъема, а он разный и зависит от самочувствия, погоды и настроения. Я успеваю задуматься, что же мне ближе: я точно не считаю ступени по сто, просто для меня это слишком ещё новое занятие. Я подстраиваюсь под ситуацию, сейчас под их скорость.

Значит ли это, что я ближе к Мане?...начинаю шагать под считалочку, Мане останавливается и с улыбкой деликатно пропускает меня вперед. У неё потребность в тишине, а не в навязанном моей бодрой считалочкой ритме.

Наверху мы оказываемся не одни: что-то принесло сюда некоторое время назад семейство с двумя детьми и отстраненную пару.

Я так и знала, что мы будем не одни! – радостно говорит Верена.

– Так это будет целый хор! Где Вы живете? Тот дом? Замечательно! « Мы думали, Мы будем одни,» – честно говорит мужчина из пары.

Все- таки в такую погоду это неожиданное решение. Верена опять сияет. Более неожиданное, чем вы могли бы себе представить! Среди нас –музыкант, сейчас прозвучит скрипка.

Я... сомневаюсь – пытается возразить Мане. – Не лучшая погода для инструмента.

Именно в этот момент всем стало ясно, что скрипка должна прозвучать любой ценой. Дело не в вечных символах или необходимости жертвы, просто нам нечего было делать на башне, и вдруг появилась возможность всем поучаствовать в общем деле.

Я держала ноты двумя руками, потому что первый же порыв ветра схлопнул пюпитр. Все собрались с подветренной стороны, чтобы закрыть Мане, два телефонных фонаря включили для освещения. Детям дали держать футляр и канифоль, они спросили, что будет, если канифоль поджечь.

Мане играла гимны, мы пели. Громче всех пели дети, потому что они эти гимны разучивают в школе. Я не знаю слов, но меня спасла роль пюпитра. Пара

переглядывалась, но оба пели. У женщины оказался красивый голос. Верена оглядывалась по сторонам: она очень верит в людей, наверное, ей казалось, что окна распахнутся, или даже обитатели домов выйдут в огромный двор и волются в хор.

Было бы правильно, красиво.

Последний, – предупредила Мане, –Пальцы мерзнут, я недостаточно хорошо играю.

Мы спели последний гимн и пара быстро распрощалась: скоро в духовке должен был сработать таймер. Я представила себе хор таймеров и рекламу с участием этого хора. Скрипку бережно уложили в футляр. Мы стали медленно спускаться вниз.

– Вот, – сказала Верена, – это и есть настоящее Рождество!

2025

Катя Ножова

Мы снимали квартиру на окраине, рядом с опасным и темным Парком Дружбы. С деньгами было туго, и вдруг нас пригласил к себе в Берлин праздновать Новый Год друг детства. Вот это настоящее событие! Мы подарили друг другу билеты на автобус Москва-Берлин и вычеркивали дни в ожидании. Омрачало радость одно

обстоятельство: ни подарка для друга, ни денег на него уже не было. Все идеи тогда еще живых бабушек отдать старую красивую сахарницу приводили нас в ужас. Но однажды вечером его осенило: Есть! (А я тогда сразу готова была поверить, что да, ура, «есть!», если он так сказал).

– Знаешь, – спросил он, – как у них там борются за экологию, охраняют всё? Наверняка новогоднюю елку купить нельзя. Только искусственные. Мы ему елку привезем!

Нам обоим это показалось потрясающей идеей... Накануне отъезда он ввалился домой с трехметровой мумией. Оказалось – елка. Путанно объяснил, что ему хотелось повыше, поэтому рубил ее в лесу (до сих пор думаю, что в Парке Дружбы) с какими-то мужиками, а завернули в пленку на ближайшем оптовом рынке. В общем, красавица, но в чадре. Какая разница, главное – вот она! Елка перегородила крошечный коридор, пахла смолой и слегка потрескивала, оттаивая в полиэтиленовом коконе.

Мы еле дотащили ее вдвоем до автобуса и думали, что на этом забудем о ней до Берлина. Не тут-то было

– Что это у вас, ребятки? – спросил водитель автобуса.

– Ёлка! – радостно ответили мы.

– Ёлка, – с неожиданным пониманием откликнулся он. – Ёлка не уместится в багажное отделение.

– А как же ее везти? – спросили мы.

– Не знааааю... , – протянул он. – Куда вашего зеленого друга девать. Может, он вас здесь подождет?

В общем, ехали мы как белки, на елке: я сидела в автобусном кресле, обхватив ствол руками и ногами, а он терпеливо отвечал на вопросы любопытной публики «Елка. Просто елка.»

Пограничник, увидев нашу поклажу, застонал от удовольствия. Пассажиры автобуса потирали руки в предвкушении разгадки такого трепетного отношения к дереву. Окинув затихшую публику призывающим к вниманию взглядом, пограничник громко спросил у нас, отправляя мумию на ленту машины для просвечивания багажа: «Так значит, «Ёлка»?...» мумия выехала с обратной стороны, оставив его в полном недоумении. Еще раз! Да что там? – спросили из публики. ЁЛКА! – раздосадованно ответил пограничник. В автобусе стали нежнее к нам относиться.

Друг, встретив нас в Берлине, спросил: Что это? Мы все еще радостно сказали: «Сюрприз!» А он, как настоящий друг, промолчал. И только по дороге к нему домой, через два дня усилий и почти две тысячи километров, у нас начали закрадываться сомнения. В Берлине встречают Рождество с елкой и выставляют ее на следующий день на улицу за ненадобностью. С обочины дороги на нас с насмешкой и ехидством смотрели зеленые, холеные, пушистые елочки. Они показывали на нас друг другу ветками и выразительно корчили рожи...

Дома Настоящий Друг изобразил Настоящую Радость. Даже когда распакованная перепуганная помятая елка, оцетинившись, начала царапать стены и капать смолой, как слюнями. Даже когда она, лишившись чувств, завалилась на книжную полку и оставила на полу лужу... К вечеру мы устали бороться с этой капризной дылдой и вынесли ее во двор.

Вот росло же дерево, никого не трогало. А мы его так замучили...

В последний раз мы ее видели в новогоднюю ночь. Блестели фейерверки и свистели петарды, а она стояла в сугробе, в центре двора. Гордая, спокойная и готовая к будущему елки после Нового Года. Мы обнялись. Я буду помнить эту елку всю жизнь.

Славный желтый медвежонок,
Спутник детства (вспомни лишь)
Навсегда в душе ребёнок,
Навсегда в душе малыш.

От объятий стёрты лапы,
В карих бусинках – глазах
Что чинил сегодня папа –
Капля клея как слеза.

Быть игрушкой так непросто,
Ведь забывчивы порой
Люди маленького роста,
Увлечённые игрой.

Каюсь, я тебя забыла
Летней ночью во дворе,
Дождик с ветром приглушили
Твой забавный голос «э-э».

Пусть мы врозь, но все же вместе.
Ты пожалуйста живи,
В заповедном детском месте –
Островке моей любви.

Ирит

В любимом шарфе поселилась моль,
А может, обитала изначально.
И у тебя в груди не то, что боль,
Но чувство, что на свете всё печально.
Зажмешь сильнее верхнюю струну,
Струна споёт порезами на пальце.
Опять ведешь с самим собой войну,
И кутаешься в рваный шарф скитальца.
Усталый, ты в потемках декабря
Пойдешь куда-то, купишь мандарины.
Пока поймешь ты, что живешь не зря,
Уже и ночь уйдет наполовину.
И рано утром, стоя у окна,
Пустив по ветру отголоски боли,
Увидишь – жизни простота дана
Тебе, и шарфу старому, и моли.

Валерия
Садковская

Радость, радость, первый снег!
Как прощение за бывшее!
Ты стой, смири свой бег,
В небо посмотри немое...
Из бездонной высоты...
Где берется? Я не знаю!
Столько белой чистоты,
Что вокруг уже сияет!
Город, мрачный в ноябре,
Превращён был очень прытко,
Как в какой-нибудь игре,
В новогоднюю открытку.
Видели хрустальный шар?
В нем рождественское чудо!
У природы есть лишь дар
Превращать в него повсюду
Мир прагматиков – людей.
Снег ложится на запястья...
Их дыханием согрей!
Как надежда, снег, на счастье...

Георгий
Ефремов

ЗИМА

Той ночью был дождь проливной,
но все изменилось за сутки:
к полудню, созрели сосульки –
звенит ксилофон ледяной.
Ткань поля с тропинкой по краю,
как будто порвалась по шву,
и я по дорожке шагаю,
мосты за собою сжигаю,
ткань поля усердно сшиваю.
И все это – наяву.
За что я на свете живу?

Александр
Марченко

Новогодний вальс

(из книги «Чудеса начинаются засветло»)

Когда все уйдут,
и мы одни
Останемся
в остывающей комнате,
Вальс заведут
блёстки-огни,
И музыка скажет:
«Запомните!»
Вальс позовёт,
удивлённый, чудной,
Тот самый, что ждали
полвека мы.
– Вы мне обещали,
давным-давно...
– Я помню, –
ответишь ты веками.
И всё озарится,
и будем плыть
По яви
сегодняшней ночи;
Зачем же помадить
косметикой мглы
Обличье чудес
воочию?

Да ну его к Фаусту –
таинство душ
И мрак,
чтоб волшебней казаться!
Пусть брызжет из люстры
светящийся душ
На вечное
таинство
танца!
И праздник никак
не сможет остыть,
Из сказки
за уши вынутый,
И будут, среди
бокалов пустых,
Два наших стоять, –
не выпитых.
Когда все уйдут,
и мы одни
Останемся
в остывающей комнате,
Вальс заведут
блёстки-огни,
И музыка скажет:
«Запомните!»

Вера
Арболь

Мариуполь ЖИВ

В детском саду «Калинка» с самого утра стояло оживление: заведующая Антонина Ивановна лично проверяла внешний вид детей во всех группах, но особенное внимание, конечно, уделялось подготовительной – именно туда приходили важные гости – участники СВО. Военная часть, которая отправляла своих военнослужащих в детский сад, ещё месяц назад закупила детям стильные костюмы защитного цвета с ботинками и шапками в придачу. Родители постарались – нарядили своих чад согласно оговоренному описанию. Все выглядели отлично, и только Анечка Чехова забыла форменную красную шапочку, а вместо неё надела розовую с огромным помпоном. Воспитательница Татьяна Васильевна сбилась с ног в попытках найти шапку нужного цвета среди воспитанников. Красная никак не находилась, и после короткого обсуждения воспитательница и заведующая решили, что розовая тоже пойдёт – затеряется, если Чехову поставить в середину группы.

Встреча с военными началась в сквере около детского сада – дети промаршировали строем под песню про солдатиков. Перед этим их тренировали целый месяц, и сначала всё шло хорошо: Маша Рябинина звонко запевала, ей вторили Женя Ковальков и Света Шестакова, и потом весь остальной строй заходился в дружном «А ну мальчишки, мальчишки-ребятишки, будущая армия страны, brave солдатики, сыновья и братики, родине служить должны!» Но на третьем круге у Пашки Кутузова развязался шнурок на ботинке, и он, конечно же, наступил на него и споткнулся. Пашка плюхнулся под ноги brave солдатику, шагающим за ним, – возникла неловкая заминка, но только на несколько мгновений, потому что Татьяна Васильевна, словно мать-орлица, кинулась на помощь своим несмышлёным птенцам. Одним энергичным движением она поставила Кутузова на ноги, отряхнула ему штаны и восстановила сломавшийся строй. Военные по-отечески закричали, благодушно отпустили несколько смешков.

Не смутившись, дети стройными рядами повели гостей за собой на свою территорию – в комнату подготовительной группы. Когда в волнительном ожидании хозяева расселись на заранее расставленные стулья, главный военный выступил вперёд и произнёс речь – в ней он особенно напирал на то, что дети должны вырасти достойными продолжателями дела отцов, а именно защищать родину, чего бы это им не стоило, пусть даже ценой их собственной жизни. При этом глаза его сверкали и по очереди втыкались то в одного, то в другого, так, что шестилетки непроизвольно вжимали головы в плечи. К счастью, запланированная программа требовала исполнения приветственной песни «Комбат» группы «Любэ», что, разумеется, разрядило обстановку. СВО-шники заметно оживились и повеселели и на радостной ноте внесли в комнату нечто большое и тёмное. Дети замерли, пытаясь понять, что это такое. Главный с чувством выпяченной гордости объявил, что это макет завоёванного города Мариуполя, и что они вручают его своей достойной смене, и что он будет напоминать им о доблестной славе российских солдат.

Анечка Чехова брезгливо сморщила хорошенький носик и негромко спросила: «А почему этот город серый, и дома сломаны»? Главный, казалось, ждал этого вопроса и как будто даже с удовольствием и пафосом ответил: «Потому что там шли жестокие бои, девочка, но наши бойцы отвоевали город у противника. Да, он разрушен, но это только подчёркивает, как нелегко далась победа нашим солдатам». После этого никто из детей не решался спросить что-либо ещё – страшно было. Только Димка Орлов поддакнул со знанием дела: «Это как в кино войну показывают: там по-настоящему бомбили». По команде ребята робко рассказали заученные стихи. В заключение Татьяна Васильевна горячо поблагодарила гостей и призвала детей к аплодисментам. Те с облегчением похлопали, и довольные СВО-шники ретировались, пообещав обязательно навестить «подготовишек» в будущем – для новых «разговоров о важном».

Макет установили в центре комнаты – на почётном месте. Первые дни девочки в основном обходили его стороной, мальчики недолго разглядывали и удалялись, потому что в противном случае они рисковали заработать окрик воспитательницы. Однако, постепенно все привыкли к уродливому предмету интерьера и стали относиться к нему с меньшим пиететом. Орлов и Кутузов даже «летали» самолётики и вели воздушные бои над разрушенным Мариуполем.

Но вот за две недели до Нового Года около одного из стоящих домов кто-то пристроил цветной домик, собранный из кубиков «Лего», а также приклеил к нему нелепую вывеску «Парикмахерская». Ясное дело, девчонка постаралась. Так хорошо в их группе писать умела только Чехова – к ней и обратились недоумённые взоры детей и Татьяны Васильевны. Прижатая к стенке, Анечка пожалала плечами и невозмутимо сказала: «Ну и что такого? Там всё серое, а мне нравятся разноцветные дома». Изумлённая воспитательница только и смогла спросить: «А почему парикмахерская-то, Аня?» Анечка гордо ответила: «А у меня мама работает в парикмахерской». Дети загалдели, засмеялись, но по общему настроению было понятно, что выходка Чеховой вызвала однозначное одобрение.

На следующий день на ожившем макете появились кафе-мороженое и цветочный магазин. Анечка безотказно писала вывески цветными карандашами. Дети стали проявлять неподдельный интерес к городу: Света Шестакова слепила из пластилина овощи и фрукты в коробках для овощного магазина, а Женя Ковальков начал строить железную дорогу. Мариуполь на макете стал существенно преображаться, хорошеть. Татьяна Васильевна не знала, как ей реагировать, – с одной стороны, она всегда поощряла детскую изобретательность и находчивость, но с другой, как отнесутся к таким видоизменениям подаренного макета строгие военные? Она спросила совета у заведующей, но Антонина Ивановна поступила осмотрительно – предоставила молодой воспитательнице решать этот вопрос самостоятельно.

Однажды случился казус. Самолётики Пашки Кутузова и Димки Орлова, как хищные ястребы, налетели на город и стали его бомбить. Девочки возмущённо завизжали и набросились на мальчишек с кулаками. Хулиганы с гоготом убрались, но их бомбы разрушили школу и только что построенную больницу. Девчонки заревели от обиды, и Анечка Чехова, всхлипывая, пригрозила вслед Пашке и Димке: «Ну, берегитесь у меня!» Татьяна Васильевна вывела мальчишек «на ковёр». В своё оправдание Димка набычено пробубнил: «А чо, война ведь, а на войне бомбят». Анечка с горячностью закричала: «Мы не хотим войны! У нас город красивый был! А вы школу разбомбили!» Воспитательница пристыдила мальчишек и пригрозила, что, если такое ещё раз повторится, она не только не возьмёт их на прогулку, но и посадит их по разным углам сидеть на стульях, пока все остальные не вернутся с улицы. Сидеть в углу, пока все гуляют, оба не хотели, поэтому налёты на город прекратились.

Когда на новогодний утренник собрались родители, макет передвинули в угол. И, тем не менее, он притягивал к себе всеобщее внимание. Мама Кати Синичкиной отметила вслух: «Какая интересная композиция, и такая яркая! Это ваша идея, Татьяна Васильевна?» Воспитательница на миг растерялась, но скоро нашлась и ответила: «Ну, что вы! Это макет Мариуполя, который нам подарили участники СВО. Детям показалось, что он серый и очень невзрачный, вот они и решили его достроить и сделать ярким». Мама Кати поспешила прикусить язык, но другим родителям макет понравился, и они принялись с любопытством рассматривать город, отстроенный их детьми.

После утренника детский сад «Калинка» закрылся на рождественские каникулы. А когда дети и взрослые вернулись, то обнаружили, что макет Мариуполя таинственным образом исчез. Анечка Чехова строго посмотрела на Пашку и Димку, но они тут же в унисон завопили: «Это не я!» Света Шестакова разочарованно вздохнула: «Ну вот, а я людей сделала из пластилина...» Никто не знал, что случилось с их городом. Даже заведующая развела руками, хоть и вздохнула с облегчением. Они сбились с ног в поисках макета, но он как в воду канул.

Однажды утром полусонные дети сидели за завтраком и ковырялись ложками в манной каше. Татьяна Васильевна по обыкновению включила радио на повышенную громкость – «для поднятия тонуса». Вдруг из потока новостей до их ушей отчётливо донеслось: «В Мариуполе на Театральной площади вчера открылось кафе-мороженое «Сказка»...» Дети стали переглядываться и шушукаться, и смелая Анечка Чехова торжествующе произнесла: «Я знала! Я так и знала!» Вопрошающие взгляды заставили её продолжить: «Это в новогоднюю ночь эльфы перенесли наш город туда! Чтобы всё было по-настоящему! Вот увидите, там скоро откроют и парикмахерскую, и школу». Димка Орлов недоверчиво крикнул: «Врёшь ты всё!», а Пашка Кутузов безразлично пожал плечами: «Ну и что с того? Нам-то какое дело?!» Анечка привстала и, глядя прямо в глаза Пашке, уверенно ответила: «А такое, что мы строили этот город для людей, которые там жили». Пашка выпучил на неё глаза и отпарировал: «Так их же убили!» Анечка вздохнула и тихо сказала: «Но, может быть, кто-то успел убежать и он вернётся в красивый город». Дети начали переговариваться, кивать головой, соглашаясь с Анечкой: «Да, они вернутся, и мы в гости поедem, когда вырастем». А Татьяна Васильевна закрыла дверь поплотнее – наступал новый 2025 год.

Семен
Патлис

Новогоднее

Скрипит мороз, зима всю кудесит,
В пределах дальних – снег и гололёд.
А здесь, на пальмах лампочки развесив,
Мы на дворе встречаем Новый Год.
Он на подходе, – мы уже им дышим;
А старый год в дверях уже стоит,
Готовый стать через минуту бывшим,
Путь уступив тому, что предстоит.
Что настоящее – мгновенье или вечность?
Нет смысла спрашивать... Когда подходит час,
Всех наших ожиданий бесконечность,
Тугой пружиной упакованная в нас,
Готова выстрелить, как пробкой из бутылки,
Когда двенадцать колокол пробьёт, –
Душой открыты мы пред Богом на развилке...
О, Боже! Дай нам счастья в Новый Год!

Сан-Диего.
2012

Жар-Птица (и.)

Однажды залетела в дом Жар-Птица,
Пройдя через камин по дымоходу;
Хотелось ей на фото засветиться
В канун очередного-ново-года.

Да кто теперь считает годы эти?
Ещё один прошёл, – и слава Богу!
С друзьями подурачимся, как дети,
На посошок нальём, – и в путь-дорогу...

Но для Жар-Птицы это всё – пустое!
Живое пламя времени не знает;
Оно, как Солнце в полдень, обжигает,
Прекрасное и вечно молодое!

И нет теплей, желаннее огня,
Чем эта птица в доме у меня!

Сан-Диего.
2010

Юлия
Решко

Мир был в начале. Занималось солнце,
и вздрагивали перья первой птицы,
а совы и коты смыкали веки,
измученные холодом бездомным,
и отдавали души в руки Богу.

А просыпались ангелы и дети.
И с хрустом раскрывались, просыпаясь,
и разгибали звонкие прожилки
прозрачные непуганные листья.
И было страшно, что вернётся холод.

И было чисто в воздухе и в сердце,
как будто с мылом вымыт древний город.
И мы с тобой ещё не повстречались,
ещё летим, отдельные, как планеты,
как равномерные огни над морем.

А море плещет вдалеке от мира,
тебя, меня и случая не зная.
И значит, наша встреча – не подарок,
а просто неизбежность колебаний
двух неразрывных бесконечных жизней.

И значит надо жить без сожаленья
и просто помнить, что ещё недавно
нас не было и завтра нас не будет.
В тот миг, когда расправят перья птицы,
мы будем видеть солнце их глазами.

ВОЗРАСТНОЕ

За семьдесят меняется подсчет.
Большие числа вовсе не пугают.
Все кажется доступным. Шаг – и вот
Другой рубеж. А разве жизнь другая?
За семьдесят, представьте, можно жить.
Любить. Работать. Выпивать с друзьями.
Или дела на время отложить
И в дальний лес умчаться за груздями.
Оглянешься – да, есть что вспоминать.
Но некогда! По-прежнему в цейтноте.
И забываешь, что не тридцать пять.
И продолжаешь все на той же ноте.
Ну да, таблетки. Но не в них же суть!
И нет причины пребывать в тревоге.
Не расслабляться! А когда-нибудь,
Если успеем, подведем итоги.

Виктор
Тумаркин

Наталья Е_K

Мишка

Надо взять только самое нужное. Мы не можем взять всё-всё.

Да, я понимаю.

Смортю на книжный стеллаж во всю стену. Конечно, книги. Возьму только те, что не читала. Я книгоголик. Ну еще Солженицына. И Чехова. И... тяжелые какие. Мы платим за каждый килограмм и надо выбирать – или-или. Вы что больше любите: чай или кофе? Пастернака или Мандельштама? А я всё люблю.

Одежду не берем, там всё купим. Все бытовые вещи тоже. Надо взять еще что-то памятное из прошлой, бесповоротно окончившейся жизни. Фотографии уже упакованы. Вот коробка с тетрадями и школьными дневниками – мои и детей. Сажу на полу, читаю красную размашистую надпись: «Тов. родители! Ваша дочь висела на щитах в туалете!» Второй класс. Да, висела. Я тогда занималась гимнастикой, и показывала девочкам переворот, а за неимением брусьев использовала стенки туалетной кабинки. Сейчас весело, а тогда было не очень. Выглядело это как «ваша дочь предала Родину!» ни больше, ни меньше. Не впад вспоминалось что-то про «история повторяется...».

Дневники уложены в коробку. Нерационально это, понимаю.

Так, еще, может быть, что-то очень памятное есть, небольшое. Такой кавардак. Всё валяется. Вещи в коробки укладываются как трехмерный пазл, плотно, без пропусков, поэтому кучи предметов ждут пространства нужной конфигурации. Я осмотрелась.

Мишка! Мой Мишка сидел на спинке дивана свесив голову. Я схватила плюшевого друга, который на год старше меня – он мамин подарок отцу еще до свадьбы. Много ли у нас друзей, которые с нами с рождения? Мой Мишка именно такой. Он сопровождал меня во всех частых и дальних поездках поездами и самолётами из Заполярья в Азербайджан и на Кубань к бабушкам-дедушкам. Я не помню, когда он потерял глаза и нос, мне казалось, что он всегда был таким – с пуговицами. По крайней мере в 1976 году, когда он вместе со мной и родителями стал москвичом, две маленькие черные и одна большая коричневая пуговицы уже были на его мордочке. Он лежал со мной в больницах и заменял отсутствующих родителей – я плакала и обнимала его на одинокой казенной койке. Несколько раз он ездил со мной в пионерский лагерь и защищал меня от «черного человека в черном-черном городе», потому что спал рядом и мне не было страшно после рассказов на ночь.

Когда чуть подросла младшая сестра, я категорически не хотела делить с ней своего друга и долгое время он был в роли «прекрасной дамы» или, скорее, «прекрасного принца», за которого шли нешуточные сражения. Хотя родители стыдили меня, говорили, что я старшая и должна уступать. Я же готова была уступить всё, что угодно, но не своего Мишку. Иногда приходилось отдавать сестре всё прочие игрушки, чтобы она не претендовала на моего любимого.

Наталья Е_К

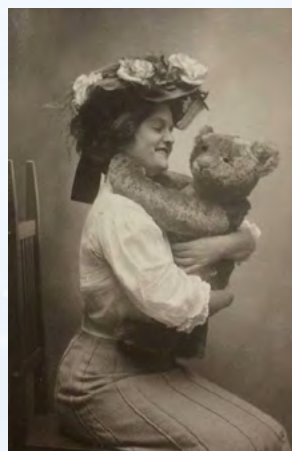
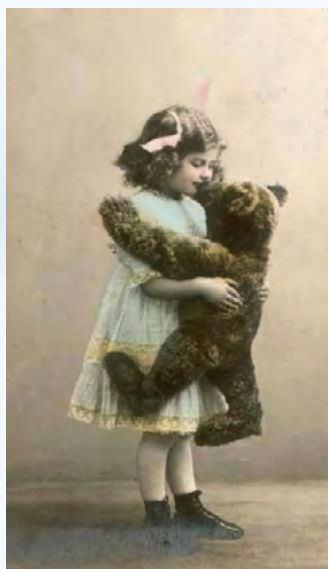
С бабушкой я шила и вязала ему одежду – комбинезоны, рубашки, штаны, жилетки, шапки. Так научилась шить и вязать, а Мишка всегда был модно одет. Именно Мишка пробовал все мои первые кулинарные опыты. Я еще до школы готовила супы в отдельной кастрюльке. Бабушка всей семье, а я ему. Научилась чистить и резать овощи, обращаться с плитой, соблюдать рецептуру. Надеюсь, ему нравилась моя стряпня.

Конечно, за свою долгую жизнь он много болел, и я его лечила, заматывая бинтами то ухо, то лапу. А однажды он заболел по-настоящему – у него продырявились подошвы на задних лапах да так, что стал вылезать синий набивочный материал. Вместе с мамой мы вырезали из остатков коричневой ткани новые подошвы и пришили – до сих пор как новенькие!

Из моего детства Мишка перекочевал в мою взрослую жизнь, сопровождая с квартиры на квартиру в неустроенности и жизненных перипетиях. У меня и в мыслях не было его бросить или оставить родителям. Это было бы предательством. Конечно, он не мог уже претендовать на место в моей постели и жил то в шкафу, то на диване. Мои дети почему-то не воспринимали его как игрушку и не играли с ним. Поэтому его жизнь была спокойной и размеренной. Он постарел, и стал как это часто случается с возрастом, непривлекательным.

Плюш золотисто-коричневого цвета потускнел и местами вытерся, уши повисли. Я обняла Мишку и посмотрев в его любимые глаза-пуговицы, положила в коробку на книги, где он сразу свернулся калачиком, как бы показав мне, что полностью готов к дальнейшему путешествию.

Пока мой хороший, до встречи во Франции!

Наталья Е_К

Гоша

«Всё-таки это удивительно, что земля вдруг становится белой», – думал Гоша, сидя на кресле в гостиной и глядя во двор, который был всего в полуметре от него, сразу за большим, во всю стену стеклом в пол. Он медленно встал и потянулся, затем повернулся, поёрзал и удобно устроил свое старое грузное тело в глубине подушек. Внимательно исподлобья посмотрел на ёлку в центре комнаты, украшенную блестящими шарами и серебристыми узкими лентами, и прикрыл глаза. Последние месяцы он грустил и сейчас неприятные воспоминания без спроса залезли в голову.

Давно это было. Вся жизнь прошла. Много повидал, а тот день никак не забывается. Сколько ему тогда было? Мелкий, шустрый и глупый. Гонял всё, что на полу валялось, скидывал со стола ручки, ложки, чашки. Господи, как они терпели его проказы... Однажды утром он обнаружил новую игрушку. Чудо просто – блестит, колеблется, шуршит. Дети, они на то и дети. Всё в рот тянут. Потянул, зажевал. А она не кончается. Мотая головой в разные стороны, жевал, жевал, жевал.... Наконец, серебристая змея закончилась, и он довольный поскакал дальше.

Он чувствовал себя неплохо, но на следующий день в истерике билась вся семья. Зажеванное накануне выходило последствиями сзади. Гошу поймали, папа зажал его между коленами, а мама принудительно открыла его рот и влила в горло гадкое масло. От воспоминаний усы Гоши чуть дёрнулись и его затошнило. Потом папа два дня ходил за ним и отрезал частями следы преступления, которые вылезали из Гоши неопрятной лентой, оставляя повсюду грязные отметины. А дети почему-то веселились и любимой семейной шуткой стало «Помёт на букву Г».

Жизнь его проходила умиротворяюще однообразно, год за годом. Утром Гоша делал массаж маме. Она, правда, не всегда радовалась десятку килограмм живого веса, который усердно топтался у неё на спине и ворчала: «Гоша, Гоша... ну перестань...дай поспать». Потом они вместе шли завтракать. Аппетит у Гоши был отменный, а может еда такая вкусная раньше была. Метёшь всё, что дают – молодой организм требует. И вот уже обе миски пустые. С годами Гоша стал разборчивее или еда изменилась. Все чаще оставлял недоеденное. Последние месяцы перед тем, как с ним случилось это, кормежка совсем испортилась. Прямо отвратительная была. Гоша часто думал, что годы берут своё. Пятнадцатый пошел, а это вам не кот чихнул.

Когда все домочадцы уходили по делам, Гоша любил запрыгивать на подоконник и часами смотрел вниз на маленькие рычащие машины и еще крошечных суетливых людей. На дождь, на снег, на собак. С годами запрыгивать стало сложнее. «Да чего я там не видел» – думал Гоша, сворачиваясь клубком на родительской кровати и засыпал до вечера.

В те времена по вечерам вся семья собиралась за столом, включали телевизор, ели, кормили Гошу. Было шумно и весело. Теперь же дети выросли и уехали. А телевизор остался большим черным прямоугольником на стене и молчал.

Однажды. С этого однажды всё и началось, да так, что и жизнь его переменялась окончательно и бесповоротно. Однажды утром мама схватила уже уснувшего после завтрака Гошу, бесцеремонно запихнула в переноску и повезла по врачам. По наглым врачам, которые вытаскивали упирающегося Гошу из его укрытия, ставили на холодную железную поверхность, где у него разъезжались дрожащие от страха лапы, заглядывали в уши, в рот и, стыдно вспоминать, даже под хвост. Не то, чтобы раньше Гоша не видел врачей, но они всегда сами приходили к нему домой, были приветливы гладили его и говорили, какой он красивый и упитанный, затем нежно брали за загривок и мелко и незаметно кололи свою прививку. Но сейчас Гоша чувствовал себя абсолютно униженным. Новые запахи и звуки, чужие руки казались непереносимыми для его породистого британского достоинства.

Через некоторое время в квартире появились чемоданы и коробки. Встревоженные мама и папа бегали, собирали вещи, то и дело повторяя «Гоша, не путайся под ногами. Гоша, чемодан не для тебя, вылезай.» Наконец всё было собрано. Гоша почуял неладное и пытался спрятаться в дальнем углу под кроватью. Уловка не помогла. Его достали и тоже упаковали, точнее втиснули в переноску.

– Посидим на дорожку, – мама обвела глазами коридор и почему-то заплакала.

Ни одна поездка не предвещает ничего хорошего. Особенно, когда она начинается после ужина. Вместо того, чтобы уютно храпеть всю ночь, а Гоша к старости начал страдать этим вполне человеческим недостатком, он со своими родителями мчался в такси по вечерней Москве в сторону аэропорта не подозревая, что навсегда покидает родную квартиру.

Знать бы сколько раз за ту ночь Гоша прощался с жизнью. Ему предстояли два длинных рейса с пересадкой. Запертый в переноске, задвинутый под сиденье по правилам полётов, он чувствовал вибрацию лайнера и рев двигателей каждой серой шерстинкой своего тучного тела. Научившийся за долгую жизнь вести себя достойно в любых обстоятельствах, он даже не выдержал и жалобно завыл в момент отрыва самолёта от земли.

Так начиналась Гошина эмиграция.

Потом было лето. Гоша быстро оценил преимущества новой деревенской жизни и проводил почти всё время во дворе, наслаждаясь теплом и гоняясь то за кузнечиками, то за ящерицами или лениво гоня кругляшки улиток. Вкусно ел – французские мидии и креветки с тунцом были распробованы и одобрены. Много спал, иногда прямо во дворе, в тени веранды.

– Минú, минú, минú! – субтильная дама из дома напротив перегнулась через парапет и оглядывала улицу.

Гоша, не поднимая головы, открыл глаза и посмотрел на странно кричащую женщину. Увлеченный своими мыслями и разомлевший от тепла, он не заметил, как к нему сзади подошла очаровательная, пестренькая кошечка, а увидев её, восторженно, попятился и чуть зашипел. Никогда раньше не приходилось ему встречаться с дамами. Обнюхались. Постояли. Гоша с интересом рассматривал незнакомку.

– Ах, вот ты где! Пошли домой! – соседка наконец увидела пропажу и направилась возвращать блудницу домой. Схватив её в охапку, она промурлыкала, – ах какой котик чудесный, красавец толстенький. Смотри, не хулиганы!

Гоша стоял в оцепенении, взволнованный внезапной встречей и похищением новой знакомой. Внутри него зарождалось неизведанное доселе чувство. Оно было странное, непонятное как некое желание, но не простое и каждодневное как поесть или поспать, а совершенно иное. Вернувшись в дом, Гоша расположился посреди комнаты и долго, дольше обычного, вылизывался во всех местах, включая сокровенные уголки своего британского породистого тела, принимая при этом самые причудливые позы.

С того дня он выходил во двор не просто гулять, а с надеждой снова увидеть прелестную незнакомку. Он ощущал прилив сил, грациозно прыгал за кузнечиками, выслеживал ящериц, но всегда краем глаза косился на дом напротив. Иногда пёстренькая кошечка приходила, и они вместе лежали, положив рядом хвосты.

Счастливое, долгое лето закончилось поздно и начались дожди, затопив всё вокруг. Гоша с риском насквозь промокнуть вылезал на крыльцо и ждал. Пёстренькая кошечка давно не появлялась. Он всматривался в стеклянную дверь дома напротив, но шторы были задвинуты, и никто оттуда не выходил.

Гоша перевернулся в кресле и еще раз грустно посмотрел на побелевший двор. Вдруг около веранды дома напротив он увидел, нет, даже не увидел, а почувствовал какое-то движение. В начинающихся сумерках из темноты вышла она. Спрыгнула вниз и быстро перебежала улицу.

Гоша вскочил, слетел с кресла и бешено заскрёб лапой по стеклянной двери, затем подал голос для придания убедительности своей просьбе.

– Ты куда собрался? Там же холодно! – мама безошибочно понимала язык жестов, – А... подружка пришла. Ну иди, только недолго.

Втиснув морду в едва открывшуюся дверь и не чувствуя лап от счастья, Гоша помчался вниз. Короткий бешеный галоп перешел в степенный шаг. На тонком слое снега две цепочки следов соединились. Мокрый нос втягивал свежий морозный воздух, усы дрожали. Как же он был рад её видеть. Не сдержался, ткнулся носом и лизнул свою французскую любовь. Пёстренькая благосклонно приняла ухаживания и оглянулась, посмотрев на свой дом, направляя туда и Гошино внимание. На веранде напротив зажгли свет и Гоша увидел три маленьких носа в ряд прилипших к стеклу. За ними торчали три пары ушек – две пестренькие и одна серая дымчатая.

«Вот так сэ ля ви! Надо будет следить за ёлкой. Чтоб ничего не съели. Мелкие, шустрые, глупые!» – радостно и заботливо подумал Гоша, покосившись на мерцающие огни, освещавшие мишуру на рождественском дереве.

Одиночество

Джулия
Ковальска

– Налейте покрепче! Устала... – она резко затынулась. Обожгла дымом горло и закашлялась до слёз. Девушка резко выпила протянутую рюмку виски. Напиток побежал по крови горячим. Вдруг в сизой дымке возникло унылое видение.

Строгая женщина с волосами, затынутыми в в тугую косу. Тёмное платье, застёгнутое до верхней пуговицы. Отсутствие маникюра на ухоженных руках.

Сквозь очки смотрели тоскливые одинокие глаза.

– Здравствуй. У меня подарок. – Девушка нахмурилась, но осторожно взяла протянутую шкатулку. Пальцы ощутили шершавость бархата.

Одиночество продолжило. – Здесь твоя история и то, как ты всё время остаёшься одна. Надеюсь, поймёшь, отчего ты это выбираешь...

Дым рассеялся вместе с собеседницей. Стася воровато оглянулась. Бар закрывался. Посетители расходились, торопясь в свою новогоднюю волшебную ночь.

«Чудес не бывает..» – шмыгнула носом она, выходя в метель.

Белые бабочки отражались в ясных огоньках гирлянд. Падали на ресницы и волосы. Но девушка, будто не замечая этой чистой красоты, торопливо перебирала ногами, прижав драгоценный подарок.

Белая кошка тёплым снегом опустилась на колени, удивлённо разглядывая хозяйку.

Стася, дрожа, открыла шкатулку. Оттуда воздушными пузырями выплывали воспоминания. И события.

Мальчик в первом классе, которого она обидела.

Первый поцелуй, от которого сбежала.

Случайный взгляд, о который оцарапалось сердце.

Идеальный мужчина, с которым будто специально сама всё разрушила.

Шары лопались. Появлялись новые.

Лишь один увеличивался.

Там она не могла разглядеть лица.

Только силуэты.

Образ. Голос. Свои насмешки. Взгляд.

Как дрогнула Душа.

Как она решила, что не стоит.

Сундучок выпал из рук. Кошка, шипя, испуганно спрыгнула.

Телефонный звонок заполнил комнату.

– Привет, – беззаботно произнёс знакомый голос. – Новый год. Ночь. Может, это повод встретиться?

– Вероятнее всего, – усмехнулась она, разглядывая, как тает голубой шарик.

Ёлка пестрила исполнением желаний.

Фейерверк сыпал звёздами, смешиваясь со снежинками.

Куранты отсчитывали двенадцать.

– А знаешь, я хочу тебя поцеловать! – удивилась своей смелости Стася.

– Желания сбываются, – шепнул мужчина.

И горячие губы коснулись лучистой улыбки.

Дед Мороз

Джулия Ковальска

Девичьи глаза уныло следили за ногами прохожих.

Резко протоптали зимние ботинки с носами злых псов.

Зашаркали угли, похожие за весёлых мопсов. Задорными лошадками по льду смело зацокали каблучки.

Ноги спешили.

В замёрзшем асфальте отражались огоньки новогодних фонариков.

Звон колоколов объявил о начале службы.

«Начало...Р», – задумалась она и снова уставилась вниз.

Ноги в красных ботинках неторопливо приблизились. Скамейка скрипнула от тяжести тела.

– Чего, девица, грустишь? – густой голос утонул в шуме.

Девушка подняла взгляд:

– Я, кажется, впускаю в свою жизнь что-то новое... И не знаю, как правильно поступить...

Бездонные глаза вопросительно с ожиданием вглядывались в доброе морщинистое лицо.

– Ой, – вдруг осенило её. – Ты прям настоящий дед Мороз?!

Рука осторожно провела по шершавой варежке.

В глазах старика появились звёздочки, из под бороды выглянула улыбка.

– Конечно, дитя... Мы все настоящие. И она, – он указал рукой на край лавочки.

Девушка нахмурилась и ошарашенно уставилась на шикарную женщину в тонком чёрном платье, которую совершенно не пугала декабрьская погода. Вуаль плотно послала лицо, оставив только алые губы.

– Приятно познакомиться, миледи. Я госпожа Сомнение, – и она протянула изящную ладонь в ажурной перчатке. У юной леди спёрло дыхание.

– Вот кто отвечает за все твои метания, – дед Мороз погладил по плечу, словно внучку. – Хоть она и даёт дельные советы... Но не сейчас. Прислушайся к себе, дитя! Следи за знаками.

– Или поверь в лучезарные рассказы о вечной любви. Обожгись снова. – вкрадчиво прошептала Сомнение. – Помнишь ведь, как больно падать с облаков.

Девушка схватилась за голову, засунув руки под шапку.

Открыв глаза, она увидела отражения фонарей во льду, и на скамейке уже снова сидела одна.

Только где-то вдаль, казалось, ещё звучит одобрительный смех деда Мороза и циничный госпожи Сомнения.

Девушка бездумно смотрела в пол. В пушистом снегу мелькали силуэты. Размашистой походкой приближались знакомые ноги в неизменных кроссовках.

Она подняла голову и улыбнулась. Большие руки уверенно схватили в охапку. Мгновенно закрыв от снега, ветра и недосказанных страхов.

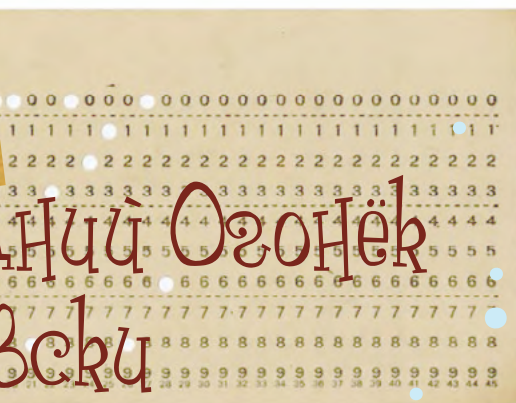
– Повсюду ищу тебя. Чего трубку не берёшь?

Нос уткнулся в куртку, вдохнув привычный морозный запах табака. И горячие губы продолжали шептать:

– Ты спросила, зачем я сюда приехал. Я точно знаю, чтобы встретить здесь тебя...

А колокола церкви торжественно объявили о рождении Спасителя. И, возможно, новой любви.

2025

Яков
Наерман

Новогодний Огонёк по-ЗИЛОВСКИ

В свои 18 лет я был самым юным сотрудником вычислительного центра ЗИЛа. В роли младшего техника я пробивал и проверял перфокарты и управляющие бумажные ленты, распечатывал программы и компиляции и выполнял всякие мелкие подсобные работы. Работа на самом продвинутом, в основном американском, оборудовании в коллективе из 15 техников, программистов, электронщиков и лаборантов, возносила моё самолюбие до небес. Меня скоро приняли за своего («сын полка»), приглашали покурить вместе и рассказывали «взрослые» анекдоты.

ВЦ находился в абсолютно привилегированном положении, поскольку очистка и промывка импортной техники, согласно инструкции, должна была производиться чистым спиртом. Сейчас это может показаться странным, но в те годы спирт считался самым дефицитным и востребованным товаром. За спирт можно было получить всё. Вычислительный центр получал 10-литровую бутылку спирта на квартал, и естественно, только малая часть этой драгоценной жидкости уходила на его прямое предназначение. Спиртом оплачивали внеочередное обслуживание сантехники, кондиционеров, получение запчастей, ремонт помещений. А ещё, весь разношёрстный коллектив вычислительного центра привык к тому, что часть спирта принадлежит ему в качестве некоего бонуса. Конечно, его не раздавали поровну всем присутствующим, но на большие праздники общий спирт на столе стал доброй традицией ВЦ.

Все остальные подразделения, которые также отмечали праздники вместе, должны были тайно приносить по маленьким дозам запрещённый на заводе алкоголь, громко завидуя счастливым из ВЦ.

Главным праздником, конечно же, был Новый год, и к нему готовились заранее. В частности, настаивался клюквенный концентрат, на котором потом делалась клюквенная настойка. Приносили колбасы, сыр, квашеную капусту, грибочки, мочёные яблоки, бруснику и прочие закуски, но спирт был гвоздём программы. И вот, за месяц до Нового года, к нам назначили нового начальника — Александра Львовича Старицкого.

Новая метла, как известно, метёт по-новому. Его настораживали разговоры завистников о «злоупотреблениях в распределении спирта на ВЦ» и в конце декабря Старицкий официально заявил, что «выдаваться спирт на Новый год не будет», запер бутылку в специально заказанном для этого сейфе и укатил в отпуск.

Народ явно приуныл, но ненадолго. Был выбран «оргкомитет» и подготовка к Новому году шла как ни в чём не бывало. Я предложил воспользоваться моим тубусом для чертежей, чтобы пронести водку. Мне сказали: «Не бзди, сынок, у нас всё схвачено». Я недоумевал, но полностью доверился своим старшим товарищам.

Наступил вечер 30 декабря, последний рабочий день перед Новым годом. Все собрались в большом зале IBM-360, накрыли стол, притушили свет и запустили компьютеры в режиме самоотладки. Разноцветные лампочки мигали, как сумасшедшие, производя впечатление удивительной сюрреалистической новогодней ёлки.

Зная очень даже пьющий состав участников, я понимал, что вопрос с алкоголем будет как-то решён, но не мог догадаться, как именно. Трое из оргкомитета усмехались и загадочно переглядывались. Наконец, в 7 вечера все собрались, гадая, как и откуда появится выпивка; встреча Нового года без спиртного даже не рассматривалась, словно свадьба без невесты.

И вот прозвучала команда «Начинаем!»

Все повернулись к двери. Она открылась и вплыла наша оператор ввода данных, красавица Нина Степанова в облачении Снегурочки. В руках у неё почему-то была старая телогрейка. Остановилась, не доходя до стола.

– Здравствуйте, дорогие ребята! – как на детском новогоднем празднике, прокричала она.

– Здравствуй, Снегурочка – ответил народ!

– А что нам всем необходимо, чтобы Новый Год пришёл весёлым?

– Выпить! А потом чтоб ты крепко поцеловала нас, Снегурочка! – воскликнул программист Олег, который безуспешно приударял за Ниной.

– Что, вот так сразу всех?! Здесь? И на трезвую голову?

– Выпить надо, вот что! – громко и хмуро произнёс оператор-алкоголик Витя Виноградов, который, как и я не очень понимал как и откуда появится алкоголь. Но в отличие от меня, он явно переживал это мучительно...

– Правильно, Витенька, – радостно воскликнула Снегурочка. – А кто приносит ребятам на Новый год то, о чём они мечтают?

– правильно, Дед Мороз! – за нас ответила Нина. Давайте его позовём:

– Дед-Мороз! Дед Мороз! – закричали все.

– Кто меня зовёт? – раздалось басом в динамике

– Это мы, твои подопечные дети из ВЦ, – продолжала спектакль Нина

– И что вы хотите, чтоб я вам принёс на Новый Год?

И та же Нина прокричала заранее заготовленную рифму:

– Новый Год ты нам спаси – спирта детям принеси!

Прошла минута и в дверях появились два других члена оргкомитета: электронщик-силач Коля Фирсанов в облачении Деда Мороза и техник Вадик Соловьёв, который тоже был почему-то в костюме Деда Мороза. У Коли в руках был тот самый злополучный сейф, который он поставил на стол. Вадик нёс большой пустой поддон из нержавейки, где обычно хранили бобины с магнитной лентой. Он опустил его на пол возле Нины.

Тогда Нина взяла телогрейку и аккуратно расстелила её по поддону.

– Ну что, ребята, попросим дедушек Морозов дать нам спиртика?!

– Просим! Просим! Просим! – громко и с энтузиазмом прокричали все.

– Ну раз нас так просят, надо детям сделать новогодний подарок, – воскликнул Коля.

И тогда они вдвоём с Вадиком подняли сейф высоко над поддоном и выпустили его из рук. Он упал на телогрейку, прозвучал глухой звон разбитого стекла и из всех щелей сейфа потёк спирт. Потом Коля поднял сейф и покачал его влево-вправо, чтобы всё содержимое вылилось в телогрейку, которая служила прекрасным фильтром. Её выжали и тоже отложили в сторону. В поддоне было литра четыре чистейшего спирта.

Со всех сторон звучали ликующие аплодисменты

– Так, вы пока разливайте, а я отнесу сейф на место, к Старицкому. Но без меня не начинать! – сказал Фирсанов.

На моём лице светилось такое неподдельное и искреннее восхищение, что Нина подошла ко мне, обняла за плечи и сказала:

– Ну, что студент? Теперь ты понял, что «коллектив – это сила» не пустые слова?! А стоявший рядом и явно повеселевший Виноградов добавил:

– Ты, Яш, наматывай на ус. И не повторяй ошибок тех, кто думает, что они самые хитрожопые. Выдал бы Старицкий нам, как обычно, по 50 – у него ещё литра два оставалось бы. А теперь – только осколки.... Эх, хотел бы я посмотреть на его рожу, когда он сейф свой откроет!

ОГОНЕК

Мирослава
Китеж

В прошлый Новый год я поссорилась с Дашей. Она сидела на диване лицом к телевизору, я напротив – спиной. И они с Таней обсуждали то, что видят – платье Лолиты, ноги Долиной... я ненавидела то, что происходит за моей спиной, поэтому не оборачивалась. Чем я там занималась за столом не помню. Шампанское пила, отвечала на поздравления?

Страшная усталость последних дней плюс новогоднее шампанское спрессовало время в таблетку. В какой-то момент все разбежались. Взрослые ушли спать, дети – играть в подарки, и остались мы с Дашей вдвоем, и наговорили друг другу.

Я в ужасе кричала: какие ноги? Какая Долина! Детей бомбят! Даша, как свежеспеченный психолог, ровным тоном, отвечала, что-то, что полагается отвечать возбужденным психам. Мол, ничего, голубчик, что рубашечка короткая, зато рукава длинные. Потом Даша, конечно, сказала, что тоже за детей переживает, но что она может поделывать. А у нее расстройство пищевого поведения – приносит домой продукты и сжирает все в прихожей не снимая сапог, и дома год уже не убиралась, поэтому и в гости не зовет, потому что тоже расстройство, не помню чего. Поэтому дай хоть спокойно посплетничать, хоть в новый год. Чего ты хочешь: сидеть под оливье этого проклинать?

Да, хочу. Хочу проклинать. Может, если нас много будет проклинать, вот сейчас, в такую ночь эгрегора, может долетит до него наше проклятие и поперхнется он своей кремлевской таблеткой. А то я себя только и проклинаю последнее время – под новости про бомбежки готовлю фирменный «Наполеон», под рассказы людей, месяц просидевших в подвале, запекаю буженину, слушая ужасы про ворованных детей заворачиваю подарки...

А что делать? Сказать детям, что нового года не будет, хрен вам, а не елка, скажите спасибо этому? Так может и не будет у них больше нового года, может этот последний. А я должна им детство, семейные ценности, должна уют, чтобы было, что вспомнить. Вот и создаю этот нелепый уют. А сама, как у Филатова: «Мажу утром бутерброд, сразу мысль, а как народ? И икра не лезет в горло и компот не льется в рот». Только Леонид Алексеевич острит искрометно, а я на самом деле давлюсь икрой. Смешно – или не ешь или не оправдывайся. Мой вариант: пей-ешь, а правду режь. Но обсуждать диеты престарелых звезд – зашквар.

Мы долго ссорились. В шесть утра Даша сказала, что поедет домой. Сказала так, что я поняла, что да, поедет. Я провожу, – сказала я, и мы пошли. Встречные догуливали праздничную ночь. На ходу кричали нам «С наступившим!». Мы с Дашкой плакали. Постояли еще у метро, пообнимались, и она уехала. И ни разу за год не позвонила. То есть мы общались, но всегда звонила или писала я, а она отвечала ровно столько, сколько нужно, чтобы быть вежливой.

Наша еще совсем недавно каждые-выходные-компания теперь мирно дружит в Whatsapp. И только отдельные персоны иногда пересекаются лично. И мы с Дашей летом на день пересеклись на её даче. Я попросилась, она не отказала. Со стороны – идеальные подруги, болтаем, смеемся. Но ни одной серьезной темы не затронули. Хотя и хорошо пообщались. Я люблю Дашку, и готова хоть ни о чем.

В ноябре Нина, последний оплот тусовки, пригласила всех на день рождения – уже и днюхи никто, кроме нее, так не отмечает. Даша не пришла. Заболела.

– Думаешь, заболела? – отвел меня в сторону Ник, муж именинницы.

– А ты что думаешь?

– А ты в курсе, что ее Сашка на Донбассе? Переживает она, вот что.

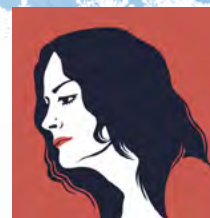
– В смысле «ее Сашка»? Они десять лет как в разводе... в смысле «на Донбассе»?!

– В том самом смысле. В разводе-то они в разводе, но вторая жена его давно турнула, и он сам мне сказал, что общается только со мной и с Дашей. Ты бы поддержала её. Вы ж с детства подруги.

Вот тебе и подруги! И как мне ее поддержать? Позвать на новый год и обсуждать ноги Долиной? Интересно, она приедет?

Чистый лист

Карина
Исакаева

Канун Рождества в деревенском книжном клубе. Сегодня книжные пани не говорят о книгах. Они ждут чуда и вспоминают волшебные истории. У каждого человека в жизни есть такая – волшебная история. Рассказывают, и на глазах молодеют, голоса звенят хрустальными колокольчиками и мне кажется, что за их спинами вижу крылья милых рождественских ангелов.

– Твоя очередь, – легонько касается моего плеча Ангел в футболке с котиками.

– Моя... про чудо?

Водоворот памяти тянет меня в первое военное Рождество. О, это одно сплошное чудо!

Мы выжили в аду.

Мы выбрались из-под огня и взрывов.

Мы нашли приют в этом тишайшем месте на земле.

Но почему нет сил на радость? Наверное потому, что в этой войне нет выживших. Есть не полностью погибшие.

В Польше Рождество – большой семейный праздник. Уже в конце ноября всё преображается: на средневековых площадях вырастают ярмарки, веселая суeta наполняет улицы. Взрослые спешат за подарками, счастливая детвора катается на разноцветных каруселях, а после строчит письма святому Миколаю.

И только мы, познавшие настоящее чудо, не растворяемся во всеобщей радости. Пряный запах горячего вина пролетает мимо, не находя отклика в душе. Пробую писать, но отчаяние и тоска –бессюжетны и неопи-суемы. Мысли тяжелые, как ящики, которые я таскаю на фабрике.

Мама – в мягких спасительных лапах деменции. Она не верит в войну. Хочет праздника. И моря.

И я совершаю тройное безумство.

Увольняюсь с изнурительной работы.

Покупаю курс писательского мастерства.

Мы с мамой едем к морю.

Я не знаю, где мы будем жить, что мы будем есть. Но сейчас мне почти весело, я еду к морю и прошу небеса дать мне знак.

Балтийский берег в Рождество мрачен и безлюден.

Нет, не так.

Балтийский берег в Рождество восхитительно безлюден. Уединение в трех плоскостях бесконечности: моря, неба, песка.

Вот с этого места, с этой точки в восхитительной бесконечности начинаю свой рассказ для библиотечных ангелов.

Я не сразу их заметила. Лебеди! Целая стая лебедей. Они возникли из ниоткуда, и величественно направились к берегу. Вышли и клином двинули в мою сторону.

Пешеходы из лебедей так себе, идут вразвалочку, но не теряют важности. Мне нечем было их угостить, но они шли и шли за мной, мои милые рождественские чудеса номер раз.

Улыбаясь, иду по берегу во главе своей новой стаи, и вдруг мы слышим хохот. Впереди стайка монахинь, которые плещутся в холодном море и с визгом бегут переодеваться. Настроение у них явно праздничное. Ещё бы – день рождения их Жениха!

Их радость так заразительна, что передаётся и мне. А ведь это не девчонки, почтенные дамы, но такие легкие, полные счастья. Похоже на знак небес номер два.

Третий знак ждал меня в эллинге. Под брюшками спящих над землёй яхт, разлилась большая лужа. Деловитая ворона пытается пройти её вброд. Пробиет воду лапкой, делает шаг, доходит до глубокого места, возвращается, повторяет попытку из другой точки.

Выглядело это так потешно, что я расхохоталась. Хохот напугал ворону, от неожиданности она, в прямом смысле, села в лужу. И оттуда, из лужи, посмотрела с таким укором, что я устыдилась своей не деликатности.

– И что это был за знак? – нетерпеливо спросил Ангел с малиновыми волосами.

– Ясно же, – авторитетно заметил Ангел с брошкой-бабочкой, – «Не бойся замочить лапки и не обращай внимание на общественное мнение».

– И что чудеса случаются, если будешь настойчивой вороной, – добавляет Ангел в футболке с котиками. – Ну и что было дальше?

Я чуть не забыла про урок по писательскому мастерству. Хорошо, что суровый Балтийский ветер принёс замечательный Интернет. Иду, слушаю урок, и совершенно неожиданно Знаменитый писатель называет мой рассказ талантливым, советует написать роман и даже обещает его опубликовать!

– Вот оно – Рождественское чудо! – ахает Ангел с малиновыми волосами.

– У меня в книжке есть пустая страничка – я думала, это типографский брак, а теперь понимаю – это чистый лист! Давайте напишем на нем свои пожелания, – предлагает Ангел с янтарными бусами.

Недавно мы получили смску от Ангела в футболке с котиками: «Страничка работает!» и фото открытия ее кафе-пекарни.

Мира тебе, Ангел с котиками! Пусть сбудутся все мечты, и у моей книги будут чистый лист и счастливый конец.

Ю. Петрова

В Middelkerke ветренно и пусто,
ливень бьёт по серой мостовой,
в банке преет кислая капуста,
ангел проплывает над водой.

На скелете ясеня—фонарик
кто-то приспособил к Рождеству,
в спальне у меня живёт комарик,
неспокойно насекомому.

Ослабел дергун, скользит неслышно,
вопреки дрожащему нутру,
открывала окна — он не вышел,
умирать героически на ветру.

Доживает век на антресолях,
собирает пыль, из ванны пьёт,
лапки постаревшие в мазолях,
и артрит покоя не даёт.

Я ему включаю батарею,
щеку подставляю — кровь пролью,
но к весне, Бог видит, поумнею
и вернусь на кухню к муравью.

 Ольга
Прасол

Придет зима, мы спрячемся от всех,
Подняв воротники и капюшоны,
Кляня в лицо срывающийся снег,
По скользким тротуарам марафоны...
Июльский флирт покажется пустышкой,
Не стоящей каминного тепла,
Где рядом двое, и открыта книжка,
Когда метель дороги замела.
Набросим плед. Вечерний полумрак...
Зима раздаст уже другие роли.
Вдохнем янтарно-вкрадчивый коньяк,
Забыв террасы, бриз и апериоли...

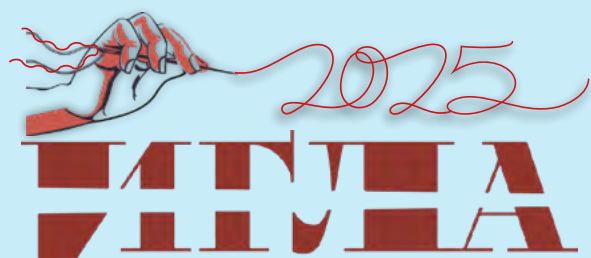

ТИККИ
А. Шельен

Странное такое рождество,
словно бы и не было такого,
небо давит пологом свинцовым,
улицы пустынные. Никого.
Призрачные тени облаков
мечутся по неподвижным тучам,
зимний дождь, деревья тянут сучья,
ни надежды, ни колоколов.
Только ветер носится во тьме
в клочья рвет, грохочет, завывает,
режет бритвой. Не в своем уме.
На лозе, свисающей из сада,
черный и иссохший виноград
бьется о бетонную ограду.
Разве можно так – прийти сюда?..
...И внезапно в крохотном проеме,
вырванном, как у бродяжки ворот,
вспыхивает бедная звезда...
...Так среди обрушившихся балок,
рухнувших пролетов, серой пыли
в небеса глядит святой Стефан,
освятивший сбитыми руками
все в него направленные камни,
реки крови, смерть, что воет с неба,
перевоплотивший в торжество.
Так построен первый храм во имя.
Так земля спасается святыми...
Странное такое рождество...

С Новым
Годом!

«Всё, что может тебя хранить, сохранить должно.
Потому что в этом сером небытии
сохранят кого-то другого слова твои.»

Тикки А. Шельен